

Когда этот номер готовился к верстке, мне на глаза попались слова, сказанные главным экономистом швейцарского банка *UBS* Андреаса Хеферта в прошлом декабре по случаю выхода глобального прогноза, подготовленного банком на 2015 г.:

«Мы должны понимать, что прогнозы обычно скорее неверны, чем верны. Мы видим множество примеров ошибочных прогнозов. Пожалуй, самую большую в истории ошибку в прогнозе сделал известный экономист Ирвинг Фишер, который в сентябре 1929 г. заявил, что «акции достигли постоянно высокого уровня». А в недавнем прошлом председатель ФРС Бен Бернанке заявил в 2008 г., что он ожидает улучшения ситуации в экономике во втором полугодии».

«Это показывает, — продолжает Хеферт, — что мы мало знаем о будущем, и, по-видимому, мы, экономисты, не можем правильно предсказать рецессию. Поэтому, когда вы строите свою инвестиционную стратегию, не слишком полагайтесь на прогнозы. И все же многие инвесторы делают именно это. Анекдот, рассказанный Кеннетом Эрроу, лауреатом Нобелевской премии по экономике, хорошо иллюстрирует эту склонность. Во время Второй мировой войны Кеннет Эрроу работал статистиком в метеорологической службе Армии США. Глядя на прогнозы погоды, он думал: «Они всегда ошибочны, так зачем мы их готовим?». Он написал начальству докладную записку: «Мы тратим много денег на прогнозы, а они того не стоят». Пришел ответ: «Мы все знаем, что прогнозы ошибочны. Но они нужны нам для планирования».

«Удивительная поведенческая ошибка, — заключает главный экономист *UBS*, — состоит в том, что, даже если вы знаете, что используемые вами прогнозы неверны, они все равно дают вам чувство защищенности».

Что ж, в этом номере *Индекса Безопасности* нет недостатка в прогнозах — не потому ли, что мы интуитивно хотим дать читателям чувство большей защищенности? Или все-таки это оттого, что мы настолько амбициозны (кто-то скажет *арrogантны*), что рассчитываем, что прогнозы в нашем журнале и наших экспертов будут *более точными*?

Прежде всего обращу ваше внимание на круглый стол «Россия, угрозы ее безопасности и ответы на них: ожидания–2014 и реальность–2015», в котором участвуют эксперты из *Высшей школы экономики, Московского центра Карнеги, журнала Международная Жизнь, а также ПИР-Центра*. Точнее, это даже не вполне круглый стол, а эксперимент, перекидывающий мостик из декабря 2013 г. и марта 2014 г. в март года нынешнего. Дмитрий **Тренин**, Дмитрий **Евстафьев**, Армен **Оганесян**, Вадим **Козюлин** и Андрей **Суздальцев** в свое время — кто-то год назад, кто-то чуть

больше — представили нам свои прогнозы о том, **с какими угрозами и вызовами столкнется Россия и как она на них отреагирует**. И вот теперь весной 2015 г. они не просто глядят на собственные прогнозы того совершенно не возможного для прогнозирования года, но и предлагают свой взгляд уже в 2015 г. И любопытное дело: вдруг выясняется, что значительная часть ранее сделанных ими прогнозов сбылась. Пророков, конечно, нет в отечестве своем; как пел Высоцкий, с ними и в других отечествах не густо. Но тем не менее тотальный пессимизм по поводу прогнозов главного экономиста *UBS* — не элегантная ли перестраховка?

Другой прогноз — аж до 2030 года — делает в своем интервью генеральный директор Фонда перспективных исследований Андрей **Григорьев**. Задачи фонда таковы, что кому, как не Григорьеву, зорко разглядывать будущее, чтобы на базе передовых открытий в области биотехнологий, нанотехнологий, информационных систем не *прозевать* инвестиции в производство высокотехнологичной продукции, прежде всего военного назначения. Из этого интервью становится понятнее, **какими они могут стать российские Вооруженные силы образца 2030 года**. Всего-то через 15 лет. Наверное, сегодня интересно было бы сравнить соответствующие прогнозы образца 2000 года и что имеем. О том, что отсутствие реальных стратегий до последнего препятствовало переходу российской экономики к шестому технологическому укладу через оборонно-промышленный комплекс, пишет Олег **Демидов**. Но он тут же предупреждает о масштабности задачи, балансирующей на грани невозможного: речь идет не просто о поиске новых точек экономического роста, а о выходе из структурного тупика.

Третий прогноз — **о будущем рунета** — прорисовывает Александра Куликова. Заглядывая вперед, она отталкивается в своих проекциях как от свежепринятого российского законодательства в интернет-сфере, так и от обсуждаемых сейчас законодательных инициатив. Насколько эти инициативы отражают *наказ избирателей*, ожидания российского общества? Насколько свобода рунета и необходимость его защиты от возможного внешнего воздействия или даже обрушения совместимы? Смогут ли власти пройти здесь между Сциллой и Харибдой? Или же *наказ* сегодняшних избирателей как раз и заключается в том, чтобы законодатели и силовые структуры трансформировали *интер-нет* сегодняшнего дня в *интер-да* дня завтрашнего (дословно заимствуя здесь образ из антиутопии нашего современника)?

Прошедшие 12 месяцев — год не календарный, но политический — окончательно оформили ситуацию, когда Россия *отчалила* от Запада.

Для внешней политики России начинаются интересные времена, когда, сохраняя независимую позу и всем своим видом показывая, что в одиночестве нам лучше, чем с дурными попутчиками, все-таки надо выстраивать партнерства в тех регионах мира, где к таким партнерствам готовы, а имеющиеся партнерства, носящий пока преимущественно символический характер, *конвертировать* в практическое русло. Легко сказать...

Юридически союзников у России немного — это только члены Организации договора коллективной безопасности (ОДКБ). Уж ими точно разбрасываться нельзя, тут точно — время *собирать камни*. Но как выстроить единство этой организации? Как сделать так, чтобы этот военно-политический союз зазвучал заметно и стал заметен глобально? Об этом размышляет Виктор **Васильев**. Однако понятно, что союзников могут объединить как общие интересы, так и общие угрозы. При этом исходить они могут как извне, так и изнутри самих границ союза. К чему придется готовиться государствам Центральной Азии (часть из них традиционно состоит в ОДКБ, а другая часть пока повернулась боком либо мечется)? Насколько вооб-

ще устойчивы режимы центральноазиатских государств? В скорое будущее Центральной Азии пытаются заглянуть Юрий **Федоров** и Наталья **Харитонова**.

А вот устойчивость Ирана на региональной и мировой сцене у наших экспертов вопросов, судя по всему, не вызывает. Иранцы пока что блестяще играют партию с *шестеркой* по ядерным вопросам. В начале апреля сего года в Лозанне удалось развить успех Женевы–2013. Достигнутые договоренности должны, как мне представляется, в равной мере устраивать и Иран, и Соединенные Штаты, и остальных участников переговорного процесса. Ко всему прочему все мировое сообщество получило хорошее подтверждение преимуществ дипломатии над применением силы и над политикой угроз в канун трудной Обзорной конференции по Договору о нераспространении ядерного оружия (ДНЯО). Другое дело — превратить *рамочную договоренность* в стабильно работающую. Иранцы настроены на транспарентность своей программы. Это необходимое условие устойчивого прогресса. А американцы? Готовы ли они к снятию санкций с Ирана — при этом, я спрашиваю не столько о действующей администрации, сколько о Конгрессе и об администрации будущей? Обама так *вложился* в переговоры с Ираном, что теперь слишком сильно зависит от успехов на этом фронте — и по этой же самой причине слишком уязвим для своих критиков как внутри Соединенных Штатов, так и в Израиле и в Саудовской Аравии.

С точки зрения России, Иран без ядерного оружия, Иран с транспарентной и при этом активно развивающейся мирной ядерной программой, Иран предсказуемый — это все несомненные блага. Все последние годы Россия как раз упорно (правда, нешумно) работала над приближением подобной дипломатической развязки.

Но вот подготовила ли Россия почву для собственного внешнеполитического и, особенно, внешнеэкономического прорыва на иранском треке? Либо тут все так засекречено и успехи так закамуфлированы, что не видны, либо нет, кроме разве что атомной энергетики и ВТС — не подготовила... А между тем сблизиться с Ираном России нужно, системно и серьезно, и это не должно, не может быть конъюнктурной сближение в пику американцам (иранцы же первые нас в этом не поймут). Возможности для роста товарооборота колоссальные. А прием Ирана в ШОС в качестве полноправного члена уже в Уфе летом сего года мог бы стать серьезным отправным шагом для укрепления регионального сотрудничества. Да, я знаю: есть решение ШОС... санкции еще не сняты... и т. п. Но не для того ли Россия — хозяйка саммита ШОС, чтобы активно формировать правила игры, работать с нашими партнерами по ШОС (ни у кого из них, кстати, нет аллергии на Иран), а не перестраховываться — что проще всего, но что дивидендов не добавит.

Однако вот и новый сценарий поспекает: Россия и Иран как главные конкуренты на мировом газовом рынке, — и это уже в ближайшем будущем. С выходом Ирана из-под санкций, с одной стороны, и с отталкиванием европейцами России, с другой, два ведущих мировых экспортера природного газа могут столкнуться... или же, напротив, могут *срежиссировать* и скоординировать свои интересы на тех или иных рынках. Об этом сценарии и его вариантах — Ирина **Миринова**.

Другой сценарий, становящийся все более реалистичным после лозаннских договоренностей: Иран как региональный центр ядерных услуг для всего региона Ближнего и Среднего Востока. А ведь еще совсем недавно многие наши собеседники в регионе и за его пределами считали, что это из области ненаучной фантастики. Но мы знали, что несколько авторитетных экспертов — причем не иранцев — размышляют над таким поворотом: это египтянин Мохамед **Шакер**, кувейтянин Аднан **Шихаб Эльдин** и американец Томас **Пикеринг**. Сегодня их идеи воспринимаются как вполне актуальные.

Окончание редакционной статьи см. на с. 16

Мы начали с разговора о прогнозах. Конечно, здесь есть элемент игры. Часть прогнозов все-таки сбывается (иногда к искреннему удивлению прогнозистов). Если уйти от экономики и посмотреть на прогнозы в области международной безопасности, то и геноцид в Руанде, и сепаратизм в Косово, и сотрясения из-за Украины — все это было научно предсказано за годы до событий.

Поэтому появляется следующий вопрос: а кто слушает экспертов-предсказателей? И слушают ли вообще? Зачем вообще работают *фабрики мысли*? Об этом мы говорили в ходе еще одного круглого стола, где вместе со мной участвовали Елена **Черненко**, Евгений **Сатановский**, Федор **Лукьянов**, другие коллеги. Евгением Сатановским был высказан тезис о том, что, безусловно, *фабрики мысли* в конечном итоге мало на что влияют, однако лучшие из них должны выполнять ту же функцию, которые выполняли ирландские монахи после падения Римской империи — сохранения знания. Хотя бы так.

На это Юрий **Надточей** задался принципиальным, на мой взгляд, вопросом: «А можем ли мы говорить о том, что формирование социальной среды, на которую экспертное сообщество могло бы воздействовать, готово к тому, чтобы сформироваться в нужном для экспертной среды направлении, с учетом того, что сейчас массовое сознание так экзальтированно выработало себе такой прочный и мощный иммунитет для альтернативной точки зрения, что в данном случае это будет некая попытка плыть против течения, традиционного течения? А если говорить о том, что просвещение с помощью качественной экспертизы могло бы быть адресовано не широким массам, не аудитории Первого канала, а более узкой прослойке интеллигенции, давайте посмотрим с гуманистической точки зрения: а не сделаем ли мы этих людей несчастными? Потому что получится, что эта узкая группа интеллигенции станет заложниками толпы *хунвейбинов*, которые могут надеть на них знаменитые колпаки».

Прочитайте, что ответил на это Евгений Сатановский (подсказываю: мы даже на последнюю обложку этот ответ вынесли).

Но редакция *Индекса Безопасности* предложила также альтернативный ответ — устами Джона Ле Карре, из «Русского дома»: «Эксперты — наркоманы. Они ничего не решают!.. Когда нас будут вешать, но вешать нас будут эксперты. Когда мир будет уничтожен, то уничтожат его не сумасшедшие, а здравый смысл экспертов...»

Еще одна подсказка: полностью эту цитату мы поместили в раздел «В десятку». They are our jailers — так это начинается на языке оригинала.

Вот и кому теперь верить, если *не кредо* и *не эксперто*.

Владимир Орлов